

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЧАСТЬ

На правах рукописи

УДК

ЛОГИНОВ Константин Кузьмич

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЗАОНЕЖАН
(середина XIX - начало XX века)

Специальность - 07.00.07 - этнография

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

ЛЕНИНГРАД 1986

Работа выполнена в секторе этнографии восточно-славянских народов Ленинградской части ордена Дружбы Народов Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР.

Научный руководитель: доктор исторических наук
Т.В.СТАНЮКОВИЧ

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор А.С.ГЕРД,
кандидат исторических наук
Р.Ф.НИКОЛЬСКАЯ

Ведущая организация: Государственный музей этнографии народов СССР.

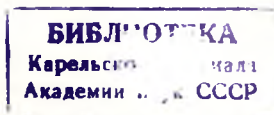
Защита состоится "3" апреля 1986 года в "....." часов на заседании Специализированного совета К.002.76.02 в Ленинградской части ордена Дружбы Народов Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР (г.Ленинград, 199164, Университетская наб., 3).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ленинградской части ордена Дружбы Народов Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР (г.Ленинград, 199164, Университетская наб., 3).

Автореферат разослан "3" марта 1986 года.

123323К

Ученый секретарь
Специализированного совета
кандидат исторических наук

А.М.Решетов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Изучение материальной культуры – одного из важнейших компонентов культуры этносов, является актуальной проблемой, разрабатываемой советской этнографической наукой. В настоящее время четко обозначилась тенденция к углублению подобного рода исследований. В качестве объекта изучения все чаще избирается не этнос в целом, а более мелкие его подразделения – этнографические и локальные группы. Исследование локальных групп северных русских и, в частности, их материальной культуры, представляется тоже весьма важной задачей отечественной этнографии, т.к. ее решение углубляет знания об этнической истории Русского Севера, о процессах формирования местной этнической культуры, об условиях возникновения локальных групп в периферийных районах России.

Особый интерес группа заонежан вызывает тем, что она проживала в некоторой географической изолированности, в удаленности от основного массива русского этноса. В средневековье на территории Заонежья происходили сложные этнические процессы с участием местного прибалтийско-финского и пришлого славянского населения, что не могло не отразиться на материальной культуре заонежан. Кроме того, район Заонежья с момента появления здесь славян, являлся маргинальной зоной, где активно осуществлялись контакты русского населения с соседними карелами. В исторической ретроспекции он был форпостом русского влияния к северу и северо-западу от Онежского озера. В XVII–XIX в.в. Заонежский полуостров служил базой для перевалки товаров из Западного Поморья в Петербург и обратно. Местная Шуньгская ярмарка в тот период была центром сосредоточия деловой активности купцов Олонецкой, Архангельской, Вологодской губерний и Финляндии.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является изу-

чение и монографическое описание материальной культуры заонежан середины XIX - начала XX века.

В работе ставились следующие задачи:

- выяснить, из каких этнических компонентов складывалась группа заонежан.
- выяснить, насколько близка материальная культура заонежан культуре других локальных групп русского населения Северо-Запада; в чем состоит и чем обусловлена специфика традиционно-бытовой культуры заонежан.
- выяснить, представляют ли заонежане локальную группу северных русских.

Методологическая основа. Методологической основой диссертации являются труды классиков марксизма-ленинизма по истории и истории культуры. Большое значение имеют теоретические и методологические разработки проблем материальной культуры и теории этноса в трудах советских этнографов.

Изученность темы и материалы исследования. По теме диссертации имеется региональная специальная литература. Это - краткие этнографические очерки о быте заонежан, написанные в третьей четверти XIX века (П.Н.Рыбников, В.В.Майнов); статья К.К.Романова, подробнейшим образом описывающая жилище Заонежья 1920-х годов, и такие же исчерпывающие работы губернского Статистического комитета по кустарным промыслам. Другие материалы широко распылены в различного рода источниках. При этом наибольшее количество публикаций было подчеркнуто автором из периодической печати местного земства. Активно использовались также материалы архивов, коллекционные и фотографические фонды музеев Ленинграда - Государственного музея этнографии народов СССР, Музея антропологии и этнографии им.Петра Великого, и Карелии - музея-заповедника "Киж", Государственного краеведческого музея Карельс-

кой АССР, Музея прикладного и изобразительного искусства. Значительную часть всех материалов составили полевые экспедиционные сборы автора в Заонежье в 1980-1983 гг. Последние охватывали все крупные поселения Заонежского полуострова и большинство мелких. Удельный вес авторских материалов наиболее высок в главах первой, второй и пятой. Были также привлечены данные смежных наук - диалектологии, исторической географии, топонимики, антропологии.

Научная новизна и практическая ценность работы. Впервые предпринята попытка монографического изучения материальной культуры русских Заонежья, позволившая выявить, с одной стороны - близость культуры заонежан культуре соседнего северно-русского населения, с другой - ярковыраженную ее специфику. Научные выводы и обобщенные материалы могут быть использованы для "Историко-этнографического атласа Карелии", для подготовки методических пособий по атрибуции и научному описанию музейных экспонатов, составления и издательства музейных каталогов. На практике результаты исследований применялись при чтении лекций в Петрозаводском государственном университете, на предприятиях г.Петрозаводска и непосредственно в Заонежье. Ежегодно проводятся занятия и семинары с работниками музея-заповедника "Кижы" и других музеев Карелии. Давались консультации художникам-оформителям и модельерам.

Апробация работы. Ряд положений диссертации был изложен в докладах на конференциях молодых ученых в Ленинграде и Москве (1982 и 1983 г.г.), на общепитетутском семинаре молодых сотрудников МАЭ, заседаниях сектора этнографии восточно-славянских народов Ленинградской части Института этнографии АН СССР и сектора этносоциологии и этнографии Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании сектора этнографии восточно-славянских народов и группы общих проблем Ленинградской части Инсти-

тута этнографии АН СССР.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из "Введения", пяти глав, "Заключения" и "Приложения". Приложение содержит карты, схемы, фотографии с пояснительными текстами, таблицы и терминологический словарь.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во "Введении" обосновывается актуальность темы, определяется цель, задачи и методические установки работы. Определяется понятие термина Заонежье как этнической территории расселения группы заонежан. История формирования русского населения в Заонежье изучена недостаточно, но представляется, что в начале II тысячелетия на территории Заонежского полуострова проживали какие-то группы прибалтийско-финского населения, родственного вепсам, карелам-людикам и лопарям. В XIII - XIV веке здесь поселяются славяне - выходцы из Новгородско-Псковских земель и Южного Приладожья. Волн славянской колонизации было несколько. Процессы аккумуляции дославянского населения завершились не ранее XVI века. В результате смешения славянского и финноязычного автохтонного населения сложилась современная группа заонежан. В северной и южной части Заонежского полуострова преобладает ильменско-беломорский антропологический тип, сложившийся в Новгородско-Псковском регионе, в восточной части - беломоро-балтийский, сложившийся на территориях обитания древней веси и предков карел-ливвиков и людиков. Ареалы распространения антропологических типов довольно точно совпадают с ареалами распространения местных говоров, а именно: Кижешуньгского (северная и южная часть Заонежья) и Толвуйского (восточная часть Заонежья).

В главе первой "Занятия населения. Орудия труда" хозяйство заонежан характеризуется как комплексное, основанное на земледе-

лии, скотоводстве, рыболовстве и отхожих промыслах и кустарных ремеслах. Охота же была развита слабо.

В разделе Земледелие установлено, что в середине XIX века земледелие основывалось не только на трехпольной системе, но и в значительной степени - на подсечной. Последняя пришла в упадок после проведения крестьянской реформы, в результате которой местное население лишилось не только почти всех подсечных участков, но и даже части пахотных. Хотя средний надел на семью к началу XX века составлял 3,5 дес., что превышает средний надел по дореволюционной России, земля в Заонежье была мало плодородной, сильно засоренной камнем. При постоянной нехватке удобрений часть ее постоянно пустовала или обращалась в сенокосы. Удельный вес земледелия как основы крестьянского хозяйства постепенно падал в связи с постоянно увеличивающимся оттоком рабочих рук на отхожие промыслы. Примечательно, что посевные площади заонежанами высчитывались не десятинами, а единицами измерений, восходящими к временам Новгородской республики: "маленками", "копейками" и "няртегами" (ср. кар., фин. *nārte*, , род.п. *nārteen* , продолговатая кладь хлеба, куча зерна').

Зерновые и технические культуры в Заонежье были те же, что и в других районах Русского Севера на той же широте. Исключение составляла только гречиха местного (шуньгского) сорта, что выдвигало Заонежье в один из наиболее северных районов ее культивирования. Огородничество здесь было развито слабо, как и повсеместно на Русском Севере, только в районе Шуньги и Великой Губы оно достигло товарного уровня.

Земледельческие орудия заонежан были довольно архаичны и практически не совершенствовались. Наиболее показательным в этом плане было бытование "копоруги" - палки-копалки с обожженным на огне острием, применяемой для рыхления невыгоревших участков на

пожого.

Путем картографирования удалось установить, что способы укладки снопов для просушки не были одинаковыми повсеместно, а варьировали в пределах трех зон - северной, южной и восточной. Способы, при которых снопы укладывали прямо на землю ("бабки", "бараны", "кучки" и т.д.), применяемые в засушливые годы, были вероятно перенесены славянами из Новгородско-Псковских земель; способы же сушки на жердевых сооружениях, приподнятых над землей ("нярты", "няртяйи" и "няртяги"), были заимствованы от дославянского населения как наиболее приспособленные к местным условиям. Способы обмолота зерновых, уборки огородных и технических культур не обнаруживают какой-либо специфики.

Материалы по земледелию Заонежан позволяют предположить, что навыки, связанные с земледелием пашенным, и, в частности такие элементы, как: способы сушки хлебов на земле, тип серпа и тип цепа, меры посева - маленка и копейка и др., славяне-переселенцы принесли с собой из Псковских и Новгородских земель. Земледелие же местного автохтонного населения базировалось, по-видимому, на подсеке. В пользу последнего предположения говорят такие лексические заимствования, как "веранда" (ср. вепс. verand, 'сучки, сложенные в кучу на подсеке'), "ламбины" - ямы, выкапываемые на пале для тушения загорающей одежды (ср. кар., вепс. lambi 'лесное озеро') и лексика, не имеющая пока этимологии: "сега" - крик для катания горящих бревен по палу, "чилиик" - не выгоревший участок на пале. Прочие заимствования, например: "кубач" (ср. кар., фин. kubo 'куча, связка'), "румега" (ср. вепс. rungen 'мякина') и др., с равным основанием могут быть отнесены как к трехполью, так и к подсеке.

Скотоводство в Заонежье, как и почти повсеместно по Русскому Северу, носило вспомогательный характер. Оно обеспечивало молоч-

ными продуктами питания, кожевенным сырьем и, что очень важно, давало удобрения для полей. Лошади служили тягловой силой.

Все породы домашнего скота и птицы в Заонежье были малопродуктивны, хотя и хорошо приспособлены к местным довольно суровым условиям. Племенная работа велась только в Шуньге, Великой Губе и Ылмаках, где с конца XIX века начало развиваться молочное товарное производство. Центром заонежского коневодства была Толвуя. Главными факторами, сдерживавшими развитие скотоводства, были: плохой уход (почти повсеместно) и недостаток хороших сенокосных угодий. Остро стоял вопрос и о пастбищах для крупного рогатого скота. Так в районе Толвуи и Кузаранды, где леса давно были сведены, их не было вовсе. Поскольку к услугам пастухов прибегало не более 40% всех сельских обществ (ежегодно), возникала серьезная угроза потравы диким зверем. Поэтому в качестве пастбищ очень широко использовались острова, куда коров вывозили на лето на лодках. Тем не менее ежегодные потравы достигали 5% всего поголовья. Все эти моменты в той или иной степени были характерны и для соседнего русского, карельского и вепского населения.

Ни новгородско-псковский, ни прибалтийско-финский пласт в области скотоводства заонежан на уровне элементов материальной культуры выделить невозможно. Это осуществимо только на уровне лексики.

Рыболовство заонежанам доставляло один из основных продуктов питания и для жителей некоторых приходов, например Кижского, было основным занятием.

При описании рыболовных снарядов автор использовал классификационные признаки, ранее последовательно не применявшиеся, а именно: способ, которым удерживалась задовленная снасть рыба и материал изготовления. Всего выделено два класса - сетные (вклю-

чая плетеные из прутьев) снаряды и зубцовые.

К первому классу отнесены:

- I. Кошельковые сетные снаряды - невода, саки и сачки.
- II. Орудия обьячывающего лова - сети.
- III. Сетные (плетеные ловушки): а) безкаркасные - курта; б) с жестким каркасом - мерды и верши; в) с полужестким каркасом - мережи.

Ко второму классу отнесены:

- I. Крючковые орудия лова - удочки, жерлицы, переметы, блесны, секуши.
- II. Острога.

Особо также отмечались конструктивные особенности и способы лова, например: для сетей - одно-, дву- или трехстенные; мелко-, средне- или крупноячейные; ставные или волоковые.

Каких-либо специфических орудий, не известных соседнему северно-русскому населению, у заонежан не отмечалось, т.к. все усовершенствования рыболовных снарядов распространялись очень быстро. Можно отметить только более длительное, чем у соседей, бытование в Заонежье архаически устроенных снастей, например, волоковой сети "жердяги" (ср.вепс. kerdeg 'вид сети') или двухстенной ставной сети на налима "гарбы" (ср.фин., harve 'ставная сеть для лова семги').

Практически все рыболовные снаряды заонежан, названия которых заимствованы из прибалтийско-финских языков, а именно: сети "гарбы", "гарбы", "калеги" (ср.вепс. kaieg или kaie 'тип рыболовной сети'), невод "карегод" (ср.вепс.kierete 'вид невода'), "курта" (ср.фин. коми-зыр., kurta 'тип ловушки на шук'), перемет "масельга" (ср.лаваяika 'хребет' - основной шнур перемета назывался "хребтиной") - известны на Онежском озере с XV века. Некоторые из них, например для лова палы и лосося, не могли даже

возникнуть в Новгородско-Псковском регионе, поскольку были приспособлены именно к местным условиям промысла. Значительный пласт заимствованной лексики составляют названия отдельных частей (как древних, так и современных) рыболовных снарядов, например: "киборка" (ср. вепс. kibrik 'поплавок из бересты на сети'), "шомба" (ср. фин. sompo 'поплавок из бересты на неводе'), "кибас" (ср. фин. kives 'груз на сети, камень') и т.д. Отдельные из них имели русские соответствия в диалектной лексике заонежан, например: "кубас" (ср. кар. kubaš 'буй) - "мажавка". Совсем не имеют заимствованной терминологии только те снаряды, которые хорошо были известны славянам до переселения на Север, а именно - верша, мерда, удочка, секуша, острога. Автором установлено, что диалектная лексика, связанная с устройством снарядов (как заимствованная, так и перенесенная из Новгородско-Псковских земель), практически одинакова в области пресноводного рыболовства и у западных поморов и у заонежан. Это говорит в пользу того, что заселение Западного Поморья и Заонежья осуществлялась родственными этническими группами.

Раздел Охота написан главным образом на основании полевых сборов автора, т.к. других материалов по данной тематике почти нет.

Охотничий промысел у заонежан получил совсем незначительное развитие по сравнению со многими другими районами Русского Севера. Промысловики составляли менее 1% всего населения, причем до 1870 года более половины из них, не имея ружей, вели охоту только пассивными орудиями лова. Одной из особенностей данного промысла в Заонежье было и то, что в периоды массового хода боровой дичи в силки, установкой последних занималось практически все население и имело от этого некоторый доход. Среди активных способов охоты заонежан, также как и у всего северно-русского населения,

преобладала ружейная охота. Один из трех активных способов добычи зверя без применения ружей, а именно, облавная охота на волков, на Большом Клименецком острове, принесла в прошлом большую известность заонежанам. Производилась она ежегодно (1863 - 1932 годы). Участвовало в ней до 900 загонщиков и 100 охотников одновременно. Волков, после двухдневного гона, добывали в веревочных сетях специальными охотничьими палицами.

Пассивные орудия лова зверя и птицы были весьма многочисленны в Заонежье. Картографирование показывает, что бытование целого ряда из них было ограничено территорией отдельных волостей или даже отдельных приходов. Это обстоятельство автор связывает с историей формирования населения из этнически разнородных элементов. К орудиям, имевшим локальное бытование, из ловушек давящего типа, относились: "заонежская пасть", медвежьи "кряжи", медвежий "ямный лавас"; из изолирующих - волчий "садок" и западная "запрудня". Устройство заонежской пасти, кряжей и ямного лаваса было довольно своеобразным и помимо Заонежья, видимо, не отмечалось. Это дает возможность выделить данные ловушки в пласт локальной "заонежской" специфики.

Незначительность роли охоты в Заонежье автор объясняет тем, что при обилии озер население предпочитало заниматься рыбной ловлей. Только в центральной части Заонежского полуострова, где не было водоемов, значение охоты несколько возрастало. Существование в Заонежье значительного разнообразия ловушек и способов уничтожения хищных зверей было вызвано дороговизной совершенного огнестрельного оружия и той значимостью, которую придавали заонежане борьбе с врагами домашнего скота.

Прибалтийско-финский пласт заимствованных элементов в области охоты данной группы русских ограничивался общераспространенными по Русскому Северу типом костра - "нодьей" (ср. кар. nuodivo , фин.

muotio 'костер на стоянке'), типом манка - "пистегой" (ср. вепс. piskega 'свистулька') и помостом для охоты на медведя у приманки "лавасом" (ср. кар. lavas 'помост для стрельбы в медведя'). Сюда же следует отнести элемент "локальной" специфики - охотничью палицу "киндюгу". Незначительность влияния дославянского субстрата на способы охоты заонежан автор объясняет тем, что они были во многом близки способам охоты русских переселенцев.

В разделе Отхожие промыслы и кустарные ремесла делается вывод о том, что почти все промыслы, существовавшие в середине XIX-начале XX века в Олонецкой губернии, в той или иной степени развитости отмечались и у заонежан.

Домашние промыслы в Заонежье всегда были ограничены узостью внутреннего рынка, отходничество же в пореформенный период развивалось бурно и к началу XX века доходы от последнего стали превышать доходы от земледелия. В отходе за пределы губернии участвовало до 75% всех работающих по найму, что на 10% выше средней по Олонецкой губернии цифры. При этом свыше половины отходников работало в столице, что оказывало сильнейшее влияние на культуру и домашний быт Заонежья. В городах заонежане практически не оседали. Исторически сложилось, что основной контингент отходников из Шуныгской волости составляли купцы и мелкие торговцы; из Толвуйской и Великогубской - паркетчики и плотники. Влияние последних в строительной технике и архитектуре в пределах Олонецкой губернии прослеживается вплоть до оз. Выгозера на севере и до границ между Вытегорским и Пудожским районами - на юге. В самом Заонежье наибольшее развитие получили промыслы, связанные с заготовкой и обработкой древесины, высокоразвитые в прошлом железоделательные и медеплавильные (в районе Шуныги и Фоймогубы) - к началу XX века пришли в полный упадок. Уникальными для

Севера были разработки пуньгита (каменного угля), производившиеся шахтным способом в 1860–1880-х г.г. К началу XX века большую известность в России (и отчасти за рубежом) получили заонежские вышивки Шуньгской и Толвуйской волостей. Весьма значительное количество семей имело заработки от извоза – транзита поморской рыбы на Шуньгскую ярмарку и в Петербург. Шуньгские ярмарки были очень привлекательны для купцов и окрестного населения. Оборот торговли здесь составлял в 1863–1864 г.г. свыше половины оборотов всех остальных (38) ярмарок Олонецкой губернии. Перемещение торговых путей на запад однако подорвало торговлю в Шуньге.

Орудия труда и промысловая лексика заонежан в основе своей общерусская, а в плотницком и столярном промыслах – и общеевропейская. Пласт заимствований от дославянского населения по мнению автора составляют только: лесорубные топоры с почти прямоугольным (а не секирообразным, характерным для славян) лезвием; формы старинных детских прялок-копалок; отдельные лексемы, например: "пиндус" (ср.кар. *pinđa* 'мелкослойная часть сосны'), "ластега" (ср.кар. *lastikot* 'лучина, деталь ткацкого станка') и др. От соседнего карельского населения были заимствованы единично бытующие в Заонежье прялки весловидных (сегозерских) форм. Формы же общераспространенных у заонежан прялок выделены рядом исследователей в особый "заонежский тип". Локальная специфика проявилась также в существовании местных школ (Шуньгской и Космозерской) иконописи и росписи бытовых предметов.

В главе второй "Средства передвижения и транспортировки грузов", дается описание транспортных средств, во многом на основании полевых материалов автора. Делается вывод, что зимние средства передвижения заонежан были более разнообразными, чем во многих соседних районах, и что связано это с расположением

Заонежского полуострова на зимних путях из Поморья в Петербург. С этим было связано бытование грузовых саней "кресел", распространенных как правило только вдоль извозных трасс; сильно специализированных саней "лабоев" (ср. фин. lamboi 'перекладина на дне саней'); одноместных гоночных санок.

Целая группа транспортных средств заонежан не была характерна для всего Русского Севера, а встречалась только в пределах Олонецкой губернии. Это — пароконные носилки, иначе "олонецкая люлька"; волокуши, приспособленные для перевозки людей; лодки "соймы" (ср. фин. soimi 'крупная лодка, плоскоут'); лодки-"кижанки".

Прибалтийско-финский пласт заимствованных элементов составляли: сани-лабои, лодка-сойма, долбленка "ушкойка" (ср. древне-вепс. uško 'долбленая лодка'), "ругоча" (ср. вепс. rüg , мн. ч. rüged 'корыто, челн'). Ругоча за пределами Заонежья отмечалась только на р. Оять, откуда и была перенесена вместе с переселенцами, скорее всего — вепсами. Такие транспортные средства, как: сани-"пошевни" и сани-кресла и долбленка "челн" или "челн" появились в Заонежье вместе с приходом туда славян.

В главе третьей "Поселения, жилище и хозяйственные постройки" описываются постоянные и временные постройки заонежан и делается вывод о том, что типы поселений, планировки селений, типы жилища и т. д. были в основном теми же, что и по всему Русскому Северу. В то же время имелись и многочисленные отличия. Вполне оригинальной, помимо районов влияния плотников-заонежан, видимо не отмечавшейся, была связь двора с жилищем типа "обхват", при которой двор охватывал часть сени сбоку и сзади — до линии конька крыши дома и сени. Крыша двора при этом получалась односкатной. Ограниченно за пределами Заонежья встречались и дома с двухрядной слитной связью, бывшие здесь нормой. Избу

заонежане рубили всегда квадратной (4 x 4 сажени) - по древне-новгородской традиции. В домах-пятистенках светелки делались уже избы, что создавало характерную ассиметричность. Избы-двойни и крестовые дома (с фасада) были всегда симметричны, ибо избе соответствовала равных размеров горница.

Специфической чертой заонежского жилища была и стандартизация оконных (0,9 x 0,8 м) и внутренних дверных проемов (1,9 x 1,2 м). Кроме того, по фасадной и боковой стенам избы (кроме стены, выходящей на север) устраивалось непременно по три окна. Внутренний интерьер и планировка заонежской избы также были несколько специфичны: печь (местного типа) имела над загнетком приспособление для подвесного котла, что характерно для финно-угорских народов; дымоход курных изб делался по карельской традиции - в потолке, но с трубой русского типа; стол ставился торцом к среднему по фасаду окну, изредка - как у карел, т.е. в простенок между "красным" окном и средним; внутренняя планировка курных изб соответствовала карельской, изб с топкой по белому - северно-среднерусской; изредка потолок в курной избе делался трапецевидной (как у западных карел и финнов) формы. Светелки и горницы заонежане обставляли по городской моде. У зажиточных одна комната выделялась в качестве кабинета - исключительно для приема гостей.

Внешний декор заонежских жилищ был необычайно богат. Локальную специфику составляли: многослойные, набиваемые гвоздями причелины с характерной орнаментацией; наличие на фронтонах домов с двухрядной связью под более длинным свесом крыши фальшивого свеса, симметричного более короткому; барочные наличники, выделяемые архитекторами в особый "заонежский тип".

Хозяйственные постройки и временные сооружения заонежан не отличались от однотипных построек соседнего русского населения.

Среди данной группы строений прибалтийско-финский пласт заимствованных элементов составляли: риги (ср.фин. riini , род.п. riinen 'гумно, овин'), досчатые времянки рыбаков "бугорки" (ср.кар. bugri 'место для спанья на воздухе'), шалаши-"шоги" (ср.вепс. šoga или šuga 'угол дома в избе').

В главе четвертой "Одежда" описывается мужская и женская повседневная, рабочая, праздничная и обрядовая одежда, обувь, головные уборы. Делается вывод о том, что почти все типы одежды, бытовавшей у заонежан, отмечались и у соседнего русского населения.

Региональную специфику составлял комплекс паловой (подсечной) рабочей женской одежды из рубахи, юбки и мужских портов; локальную - ношение в быту исключительно кожаной обуви (традиция, восходящая к Древнему Новгороду), несшитая поясная женская домашняя одежда "одеяльница" (пережиточный тип одежды, предшествовавший сарафанному комплексу), местный способ раскройки воротников наплечной женской одежды типа матроски и др.

Прибалтийско-финский заимствованный пласт элементов составляли: мужские промысловые носки без пятки, рукавицы для зимней тяги невода, ношение в период просватанья "рибушей" (ср.кар. riivo , фин. riivo 'лоскут, тряпка') - старых изношенных одежд, орнаментация одежды полихромными (с введением желтой, зеленой и синей нитей) вышивками, вышивки в форме симметричных розеток по бокам шейного выреза женских рубах и в виде полоски орнамента вдоль рукава.

Пласт городских заимствований составляли типы облегчающей праздничной одежды, пальто, пиджаки и т.п.

В главе пятой "Пища и хозяйственная утварь", на основании полевых сборов автора впервые описывается повседневная, производственная, праздничная и обрядовая пища заонежан. Утварь описана в

связи с ее использованием при приготовлении или потреблении того или иного рода кушаний.

Причину значительного разнообразия блюд из репы, выпечных изделий и т.п. автор видит в былой развитости данных традиций у русских Новгородско-Псковского региона и в том, что они были дополнены заимствованиями от дославянского населения и соседних карел. Из Новгородско-Псковских земель были перенесены: жидкие блюда - "грибовница", "симяница", "шайня" и др., хлеба - "эвсяник", "чолпан", поминальный хлебец "перепеча" и др., блины - косовик, рядовик и т.д. От дославянского населения Заонежья и соседних карел были заимствованы: жидкие блюда - "лахка" и "калахта", способ тушить в горшке мальков-сеголеток "мугачей" (ср. фин. *muhuj* 'мелкий окунь'), обычай есть уху и рыбу из нее по отдельности, пироги "кокач" или "канац" (ср. кар. *kokoi* 'хлеб из ячменя или овса'), "отжинные" пироги, варившиеся (а не жарившиеся) в масле, поминальный творожник "кабушу" (ср. кар. *kabu* 'поминальный колоб из сушеного творога') и др. В утвари "новгородский пласт" составляли: ковши-корцы, ложки-уполовники, типы глиняной посуды и т.д.; прибалтийско-финский - лопатка для доставания рыбы из котла, "блинная лопатка", "блинный столик" и др.

Городские влияния почти не коснулись пищи (за исключением бакалейной), зато чайная и кофейная посуда была почти исключительно фабричной. В конце XIX века она имелась в любой крестьянской семье. Последнее обстоятельство - последствия проживания многих отходников-заонежан в столице.

В разделе "Заключение" подводятся итоги изучения материальной культуры заонежан и делаются суммированные выводы.

Материалы по этнографии заонежан подтверждают выводы антропологов, лингвистов и историков о том, что данная группа сформировалась из этнически разнородных элементов - прибалтийско-финско-

го и славянского. В составе переселенцев из Южного Приладожья мог присутствовать также и чудский элемент. Результаты картографирования отдельных элементов материальной культуры дают ареалы в значительной мере соответствующие тем ареалам, что выделили антропологи и лингвисты на территории Заонежья.

Группа заонежан безусловно является северно-русской и по такому компоненту, как материальная культура, наиболее близка соседним группам русских. Традиционно-бытовая культура заонежан во многом близка и культуре соседнего карельского и вепсского населения, что выражается в наличии целого пласта элементов, выделяемых автором в качестве "региональной" (Олонецкой) специфики.

Основу материальной культуры изучаемой группы составляют четыре исторически сложившихся культурных пласта:

1. Пласт элементов, перенесенных из Новгородско-Псковских земель, условно названный автором "новгородским".
2. Прибалтийско-финский пласт элементов, заимствованных - а) от дославянского населения Заонежья, б) от соседних карел и вепсов.
3. Пласт элементов, помимо Заонежья не отмечавшихся ("локальной" или "заонежской" специфики), возникших как результат локального варьирования культуры и выступающих в качестве этнодифференцирующих признаков в оценках представителей группы.
4. Пласт заимствований из городской культуры, получивших в конце XIX - начале XX века устойчивость традиционных элементов. Специфика материальной культуры заонежан была также обусловлена удаленностью группы от основной области расселения русского этноса; влиянием соседнего русского населения, местными природно-географическими условиями.

На основании собранных автором материалов делается вывод, что заонежане, обладая специфичной материальной культурой, ярко выраженным этническим самосознанием, четко очерченной локальной

территорией, самоназванием (совпадающим с экзоэтнонимом) и представлениями об общности происхождения от новгородцев, могут быть выделены в качестве локальной группы северных русских.

Список статей, опубликованных по теме диссертации:

1. О роли прибалтийско-финских и славяно-русских архаизмов в истории формирования группы "заонежан". - В сб. Этническая культура. Динамика основных элементов. М.: Наука, 1984, с. 133-138.
2. Население Заонежья как локальная группа. - В сб. Годичная научная сессия Института этнографии. Л.: Наука, 1985, с. 70-71.
3. Мужская и женская одежда заонежан (вторая половина XIX - начало XX века). - В сб. Годичная научная сессия Института этнографии. Л.: Наука, 1985, с. 24-25.
4. Традиционная охота и орудия охотничьего промысла в Заонежье. - В сб. Полевые исследования Института этнографии 1982 года. М.: Наука, 1986, с. 46-58.
5. Являются ли заонежане локальной группой? - Советская этнография, 1986, № 2, с. 91-95.
6. Äänisenniemeä kiertämässä. Punalippu, 1985, N 9, s. 171-174.

